

М. Ц. АРЗАКАНЯН

ЛЮДИ, ТВОРЯЩИЕ ИСТОРИЮ

о книге В.П. Смирнова «Что такое история и зачем она нужна?»¹

Статья посвящена видению В.П. Смирновым главных проблем и вопросов исторической науки, представленных в рецензируемой книге. Автор статьи останавливается на структуре работы, ее основных идеях и особенно выделяет тему личности в истории.

Ключевые слова: *история, историки, историческая память, «академическое дело», культ личности*

В научно-популярной работе В.П. Смирнова собраны размышления автора об извечно интригующем и специалистов, и широкую публику вопросе – что такое история и зачем она нужна. Ученый выносит на суд читателя собственный взгляд на проблему. Прежде чем перейти к сути дела, несколько слов об авторе. Владислав Павлович Смирнов, доктор исторических наук, профессор исторического факультета МГУ – выдающийся советский и российский франковед. Его перу принадлежит более десяти монографий. Свой путь в науку он начал с исследований Франции в годы Второй мировой войны, затем последовали общие работы по истории Франции², не считая многочисленных глав в коллективных трудах и учебниках для высшей и средней школы. В 2000-х гг. профессор, возвращаясь к истокам, пишет две замечательные книги о Второй и Первой мировых войнах³. В то же время ученый размышляет о судьбах историков своего поколения и исторической науки в СССР и России, результатом стала публикация его мемуаров⁴. И вот, в самом конце 2019 г., к своему 90-летию В.П. Смирнов выпускает небольшую, но очень емкую и познавательную книгу об истории истории и историков⁵.

Рецензируемая книга хорошо структурирована. Она состоит из введения, заключения и трех основных разделов – «История и общество», «Историческая наука и историческое образование в СССР», «Вечно живая история». Разделы, в свою очередь, поделены на небольшие темы-параграфы. Проблем в исторической науке, как и в любой другой, великое множество. Охватить необъятное невозможно, и автор не ставит перед собой такую задачу. В своей книге он цитирует известного французского историка XX века Марка Блока: «Предметом истории является человек. Скажем точнее – люди... За зримыми очертаниями пейзажа, орудий или машин, за самыми, казалось бы, сухими документами и институтами, совершенно отчужденными от тех, кто их учредил, история хочет

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ в рамках исследовательского проекта № 20-18-0286.

² Смирнов 1961; 1963; 1974; 1979; 1988; 1991; 2001; 2017.

³ Смирнов 2005; 2015.

⁴ Смирнов 2011.

⁵ Смирнов 2019.

увидеть людей». И далее Блок утверждает: история – это «наука о людях», о «людях во времени»⁶. А кто же создавал историческую науку? Ведь те же люди. Повествование об историках, людях, творивших историю, проходит сквозь всю книгу. Вот на этой теме я и остановлюсь.

Итак, где и в чем искать истоки истории? Кем были ее первые творцы? Невероятно трудно ответить на этот вопрос. В.П. Смирнов пишет: «Потребность людей в истории привела к тому, что еще в древних цивилизациях (в Китае, Индии, Месопотамии, Египте, Древней Греции и Древнем Риме) находились люди, чаще всего священнослужители, которые собирали старинные мифы и легенды, записывали сведения о главных событиях прошлого и настоящего, составляли своеобразные исторические хроники. Их можно назвать первыми историками, хотя они часто занимались и многими другими делами: были политиками, администраторами, полководцами» (с. 11). На мой взгляд, истоки истории можно связать с возникновением письменности. Европейская цивилизация главным образом базируется на цивилизациях Древних Греции и Рима. Они же, в свою очередь, вобрали в себя знание, в том числе историческое, древних ближневосточных государств – прежде всего Месопотамии и Египта, где уже на рубеже IV–III тыс. до н. э. существовала письменность.

Древние египтяне изобрели иероглифическое (рисунчатое) письмо в самом начале III тыс. до н.э., с течением времени оно совершенствовалось. Сначала высекали иероглифы на каменных стенах, а затем стали использовать свитки папируса. Текст наносили кисточками из стеблей камыша специально приготовленными чернилами – черными из сажи с добавлением клея и красными из отвара корней травы марены. А в Междуречье еще раньше, в IV тыс. до н.э. древние шумеры изобрели клинописное письмо. Его наносили на влажную глиняную табличку с помощью острой прямоугольной палочки. Начало расшифровки клинописи было положено в XIX в. Георгом Гротенфендом. В XX в. это дело продолжал советский историк Игорь Михайлович Дьяконов. На Древнем Востоке была создана первая библиотека – настоящий кладезь знаний. Ее основал ассирийский царь Ашшурбанипал в своем дворце в Ниневии в 7 в. до н.э. Собрание царя состояло из десятков тысяч глиняных табличек.

Так кем же были первые безымянные историки Древнего Востока? Цари, которые велели записывать события об их деяниях? Или жрецы, составляющие тексты? Или писцы, прилежно исполняющие волю властителей? Трудно сказать. Зато нам, российским историкам XXI в. выпало счастье благодаря нашим предшественникам соприкоснуться с «седой древностью» исторической науки в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина. Его фонды хранят большую древнеегипетскую коллекцию, собранную в XIX – начале XX в. замечательным русским египтологом Владимиром Семеновичем Голенищевым. Он осуществил 60 поездок в Египет, собрал 6 тыс. предметов (в т.ч. папирусов) и передал

⁶ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986: 17-18.

свою коллекцию в фонды музея к его открытию в 1909 г. Другой советский историк-источниковед Николай Петрович Лихачев собрал уникальную коллекцию русских, восточных и западноевропейских рукописей. Благодаря его стараниям музей имеет в своих залах и запасниках 1600(!) глиняных табличек⁷. Сегодня каждый может зайти в музей и спокойно рассматривать тексты, нанесенные на влажную глину 3000 лет назад, или зайти в египетский зал и увидеть прекрасную раскрашенную деревянную статуэтку XV в. до н.э. двух мальчиков-писцов, идущих на работу.

Отвлекусь ненадолго от своего хронологического повествования на дискуссионную тему, поднятую в начале книги В.П. Смирнова. Речь идет об исторической памяти, рассмотрению которой посвящен небольшой параграф. В нем автор подчеркивает: «Очень важную роль в формировании представлений о прошлом играет историческая память, то есть коллективные воспоминания племен, народов и наций о пережитых ими исторических событиях и деятельности исторических личностей. Историческая память имеет не индивидуальный, а коллективный характер. Это память общества, а не отдельных людей; составная часть общественного сознания и коллективной психологии». И далее: «Историческая память – неотъемлемый элемент национального самосознания, национальной культуры и самоидентификации нации. Это неисчерпаемый источник, питающий чувство гордости – а иногда и позора – за свою нацию и государство, за свою национальную историю» (с. 19). Думаю, что «модная» тема исторической памяти пока изучена лишь поверхностно. Слишком много вопросов она оставляет открытыми. Что такое «коллективный характер»? О каком конкретном коллективе идет речь? Одно и то же событие в одной стране воспринимается так, а в другой иначе. В одном государстве часть общества (класс, сословие, прослойка) может воспринимать определенное событие как гордость, а другая – как позор. Значит, коллективная историческая память все же может быть разложена на отдельные, порой противоположные, компоненты. Словом, пока вопросов больше, чем ответов. Тем лучше. Пусть молодые историки, взявшие в руки эту книгу, серьезно возьмутся за разработку данной тематики.

Как известно, «колыбелью европейской цивилизации» была Древняя Греция. В IX в. до н.э. греки изобрели алфавит, взяв за основу древние алфавиты финикийцев и арамейцев. Греки писали на покрытых воском дощечках остро отточенным грифелем из кости или благородных металлов. В VIII в. до н.э. полубогендарный Гомер сочинил гекзаметром эпические поэмы «Илиаду» и «Одиссею». А в V в. до н.э. появились первые греки-историки. Автор далее останавливается на работах древнеримских историков. Но я хочу немного задержать внимание читателя на Греции.

После распада в конце IV в. до н.э. огромной державы Александра Македонского и появления на ее территории в собственно Греции, Малой

⁷ Об истории собрания древневосточных коллекций мне рассказала молодой сотрудник музея, искусствовед А.В. Миронова.

Азии и Египте самостоятельных государств, наступает эпоха эллинизма. Влияние греческого языка и греческой культуры в этих государствах было определяющим. Оно сохранялось даже после завоевания Греции во II в. до н.э. и Египта в I в. до н.э. Римом. Знаменитые историки той поры – Полибий II в. до н.э., Страбон рубежа старой и новой эры, Павсаний и Плутарх II в. – были греками и писали на древнегреческом языке. В эпоху эллинизма история прочно стала отдельной отраслью знания. А одну из девяти древнегреческих муз – Клио – стали теперь называть музой Истории и изображать со свитком и грифельной палочкой в руках.

Еще одно выдающееся событие для всех наук в эпоху эллинизма – создание в III в. до н.э. знаменитой библиотеки египетским царем Птолемеем I в городе Александрия. В общей сложности в ней было собрано по примерным оценкам около 100 тысяч единиц хранения, главным образом в папирусных свитках. Напомню, что во II в. до н.э. в городе Пергам в Малой Азии был изобретен новый писчий материал, пергамент, который делали из специально обработанной шкуры животных. Впоследствии он распространился по всей Европе. В Александрийской библиотеке были собраны «книги» по лирической поэзии, драматургии, философии, истории и другим наукам. Все они были каталогизированы и время от времени переписывались писцами и текстологами. В течение веков в библиотеку для работы съезжались ученые из разных регионов Европы и Азии. В первые века нашей эры знаменитая Александрийская библиотека постепенно была утрачена в периоды завоеваний и пожаров.

Еще во время расцвета древнегреческого гуманитарного знания в Древнем Риме появляются свои историки, пишущие на латинском языке. Автор книги упоминает самых известных из них Тита Ливия и Корнелия Тацита (с. 26-29). Первый жил и творил на рубеже старой и новой эры, второй – на рубеже I и II вв. Тит Ливий выступал за «воспитание патриотизма, чувство гордости за свое отечество», Тацит «призывал писать историю «без гнева и пристрастия» (с. 37). В Древнем Риме историки пользовались большим авторитетом. Недаром Гай Юлий Цезарь (он и сам автор исторических «Записок о галльской войне») сказал: «С самых ранних лет я понял, что истинные поэты и историки – лучшее украшение страны». Последним выдающимся историком Римской империи был Аммиан Марцеллин, живший в IV в. В период Средневековья, при неграмотности подавляющей массы населения, «главными очагами образованности, культуры и распространения исторических знаний стали монастыри, где монахи хранили уцелевшие от времен античности книги и документы, записывали сведения о важнейших событиях, составляли летописи. Писали гусиными перьями на пергаменте... чернилами, которые делалась из чернильных орехов, коры дуба и других деревьев с добавлением естественных красителей, разведенных на масле» (с. 44). Европейские народы воевали, государства создавались и распадались, а монахи-«историки» кропотливо переписывали и сверяли греческие и латинские

тексты. Ситуация начала меняться во втором тысячелетии. В период Крестовых походов с Востока было завезено «производство» бумаги. Писать стало легче. В XV в. Иоганн Гутенберг изобрел книгопечатание, что произвело «революцию» в книжном деле.

В.П. Смирнов подчеркивает особый вклад в развитие истории эпохи Возрождения. В XIV в. вокруг Флорентийского университета «сложилась группа историков, филологов и общественных деятелей, называвших себя гуманистами. Они стремились возродить античную культуру, собирали и издавали произведения античных авторов, подражали им в своих работах. Большинство дошедших до нас произведений античной литературы (в т.ч. книги Геродота, Фукидида, Тита Ливия) были спасены от гибели и забвения учеными гуманистами» (с. 46). Автор книги обращает внимание читателей на малоизвестную широкую публике «школу мавристов»: «Очень большую роль в установлении подлинности, собирании и публикации старинных документов <...> сыграли “маврлисты” – ученые монахи из ордена св. Мавра (французского отделения ордена св. Бенедикта, центр которого находился в Париже в монастыре Сен-Жермен-де-Пре). Мавристы собрали, опубликовали и проверили подлинность множества исторических документов, на основе которых они написали многотомные сочинения по истории ордена св. Бенедикта, различных французских провинций и французской средневековой литературы» (с. 50). В XIX в. во многих европейских странах жили и творили известные историки, посвятившие себя изучению Древнего Востока, античности, средних веков, национальных историй. К концу XIX в. «история окончательно превратилась в науку» (с. 54).

Самая большая часть рецензируемой книги посвящена развитию исторической науки в России и СССР. Дореволюционной России автор отводит несколько страниц. Он говорит о том, что в нашей стране, как и в Европе, первыми историками были летописцы, и вспоминает слова Пимена из драмы А.С. Пушкина «Борис Годунов»:

«Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду,
И пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет».

Далее автор называет имена самых известных русских историков – В.Н. Татищева, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, В.О. Ключевского. Но главное место в этой части книги В.П. Смирнов отдает исторической науке (можно даже сказать судьбе исторической науки) в СССР. Он представляет ее на фоне политической истории страны в эпоху социализма. Названия параграфов говорят сами за себя. Назову некоторые из них: «Октябрьская революция и историческая наука», «Академическое дело», «Перестройка исторического образования в СССР», «Большой террор» и судьбы историков», «Краткий курс» и культ личности», «XX

съезд», «Оттепель», «Историческая наука в эпоху «застоя», «Перестройка и гласность», «Радикальный пересмотр». Конечно, отрецензировать все эти темы невозможно. Поэтому мне пришлось сделать выборку.

Так называемое «Академическое дело» имело место в конце 20-х годов, когда «Сталин разгромил внутривластную оппозицию во главе с Троцким и сосредоточил всю власть в своих руках». Непосредственным поводом для открытия дела стали выборы в Академию наук СССР в январе 1929 г. на которых не были избраны три историка-марксиста. После этого в Ленинград, где тогда располагалась Академия наук, отправилась правительственная комиссия, занявшаяся «чисткой» академии. По ее решению были уволены 600 сотрудников. В декабре 1929 г. органы ОГПУ (преемника ВЧК) обвинили ряд историков во главе с Сергеем Федоровичем Платоновым и Евгением Викторовичем Тарле в антисоветском заговоре. «В середине января 1930 г. арестовали Платонова. Следователи изображали его главой будущего антисоветского правительства, которое “заговорщики” будто бы хотели сформировать после свержения советской власти. Через две недели арестовали Тарле, по утверждению следователей, – будущего министра иностранных дел в «правительстве Платонова» (с. 64). К «Академическому делу» привлекли 115 человек. Их судьбу решила коллегия ОГПУ, которая в августе 1931 г. приговорила 29 человек к различным срокам заключения и ссылке. «Тем не менее, – замечает В.П. Смирнов, – приговор считался относительно мягким: никого не расстреляли, ссылали в крупные города, а не в тундру или тайгу... ссыльные жили в снимаемых ими квартирах, обычно вместе с родственниками, могли получать книги и газеты» (с. 65). Однако судьба опальных историков сложилась по-разному. Платонов умер в 1933 г. в ссылке в Самаре. Сосланный в Алма-Ату Тарле начал там работать над биографией Наполеона. Впоследствии Тарле был восстановлен в звании академика, стал известнейшим советским историком, трижды лауреатом Сталинской премии. По «Академическому делу» проходил и Н.П. Лихачев, о котором речь шла выше. В 1931–1933 гг. он отбывал ссылку в Астрахани. Его уникальная личная коллекция рукописей была конфискована и передана в различные музеи и библиотеки. Именно благодаря этому печальному событию и личной драме ученого ГМИИ им. А.С. Пушкина и имеет в своих фондах 1600 древних глиняных табличек, с которыми сегодня могут работать ученые-востоковеды. Лихачев умер в 1936 г. в Ленинграде.

Огромное влияние на судьбу исторической науки в СССР и жизнь ученых оказал культ личности Сталина, который достиг апогея в 1949 г., в год празднования 70-летия Сталина, только что присвоившего самому себе звание генералиссимуса. В.П. Смирнов блистательно описал проявления «культа личности» в своей книге. Читаем: «Сталина воспевали в стихах и прозе, во всех видах литературы и искусства. “Вождь и учитель”, “величайший гений, который ведет нашу страну от победы к победе”, и в то же время почти “родной отец” для всех советских людей, неустанно

заботящийся об их счастье и благополучии» (с. 88). В день юбилея 21 декабря 1949 г. все члены Политбюро и министры выступили в центральной советской печати – газете «Правда» и журнале «Большевик» – «со статьями, заголовки которых отражали их представления о роли Сталина. В «Правде» первой шла статья Маленкова: «Товарищ Сталин – вождь прогрессивного человечества», за ней статьи (каждая на всю газетную полосу) Молотова («Сталин и сталинское руководство»), Берии («Великий вдохновитель и организатор побед коммунизма»), Ворошилова («Гениальный полководец Великой Отечественной войны»), Микояна («Великий зодчий коммунизма»), Кагановича («Сталин ведет нас к победе коммунизма»)… Заголовок статьи Хрущева был довольно нейтральным («Сталинская дружба народов – залог непобедимости нашей родины»), но зато заключительный пассаж гласил: «Слава родному отцу, мудрому учителю, гениальному вождю партии, советского народа и трудящихся всего мира – товарищу Сталину» (с. 89).

Поэты, допущенные на празднование юбилея в Большом театре, изъяснялись стихами. Так «Якуб Колас, обращаясь к «вождю народов», воскликнул: «Учитель наш мудрый / Для счастья людского ты солнцем взшел над землей». А трижды лауреат Сталинской премии Александр Твардовский «от имени советских писателей благодарил Сталина в следующих словах: «Великий вождь, любимый наш отец… Спасибо Вам, что Вы нас привели из тьмы глухой туда, где свет и счастье» (с. 90).

Добавлю только, что такие реалии советской жизни не обошли и историков. Каждая публикуемая ими книга, чему бы она не посвящалась, обязательно имела преамбулу, в которой воздавалась хвала «вождю всех времен и народов». Так, например, в предисловии к «Войне с готами» Прокопия Кесарийского, изданной в 1950 г. отмечалось: «Товарищ Сталин дал гениальное определение социальной сущности переворота, отделяющего античный мир от средневекового, как революции рабов: “Революция рабов ликвидировала рабовладельцев и отменила рабовладельческую форму эксплуатации трудящихся”. Это замечательное указание товарища Сталина знаменует собой новый этап в разработке марксистской наукой проблемы перехода от древнего мира к средним векам»⁸.

В заключение мне остается лишь сказать, что книга В.П. Смирнова содержит множество сведений об истории и историках. И каждый, будь то уже состоявшийся историк, или лишь начинающий свой путь в науку, прославляемую музой Клио, студент сможет развивать идеи автора и поставленные им вопросы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Арзаканян М.Ц. Советские историки. Поколения и традиции. Размышления по поводу книги Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик» // Диалог со временем. 2019. Вып. 68. С. 356-363. [Arzakanyan M.C. Sovetskie istoriki. Pokoleniya i tradicii. Razmysleniya po povodu knigi L.A.Sidorovoj «Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik» // Dialog so vremenem. 2019. Vyp. 68. S. 356-363].

⁸ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950: 3.

- Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986 [Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. M., 1986].
- Историческая наука на рубеже XX – XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Кругъ», 2011. 560 с. [Istoricheskaya nauka na rubezhe XX – XXI vv.: social'nye teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: «Krugъ», 2011. 560 s.]
- Репина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2008. [Repina L.P., Zvereva V.V., Paramonova M.YU. Istoriya istoricheskogo znaniya. M., 2008.]
- Сидорова Л.А. Советская историческая наука середины XX века: синтез трех поколений историков. М.: 2008. [Sidorova L.A. Sovetskaya istoricheskaya nauka serediny XX veka: sintez trekh pokolenij istorikov. M.: 2008.]
- Сидорова Л.А. Советские историки: духовный и научный облик. М.: СПб., 2017. [Sidorova L.A. Sovetskie istoriki: duhovnyj i nauchnyj oblik. M.: Spb. 2017].
- Словарь античности. М.: 1989. [Slovar' antichnosti. M.: 1989.]
- Смирнов В.П. От Сталина до Ельцина. Автопортрет на фоне эпохи. М.: Новый хронограф, 2011. 501 с. [Smirnov V.P. Ot Stalina do El'cina. Avtoportret na fone epochi. M., 2011.]
- Смирнов В.П. Что такое история и зачем она нужна? (размышления историка). М.: 2019. [Smirnov V.P. Chto takoe istoriya i zachem ona nuzhna? (razmyshleniya istorika). M.: 2019].
- Смирнов В.П. Франция во время Второй мировой войны. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. 109 с. [Smirnov V.P. Franciya vo vremya Vtoroj mirovoj vojny. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1961. 109 s.]
- Смирнов В.П. «Странная война» и поражение Франции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963. 396 с. [Smirnov V.P. «Strannaya vojna» i porazhenie Francii. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1963. 396 s.]
- Смирнов В.П. Движение Сопrotivления во Франции. М.: Мысль, 1974. 327 с. [Smirnov V.P. Dvizhenie Soprotivleniya vo Francii, M.: Mysl', 1974. 327 s.]
- Смирнов В.П. Новейшая история Франции. 1918–1975. М.: Высшая школа, 1979. 376 с. [Smirnov V.P. Novejshaya istoriya Francii. 1918–1975. M.: Vysshaya shkola, 1979. 376 s.]
- Смирнов В.П. Франция: страна, люди, традиции. М.: Мысль, 1988. 287 с. [Smirnov V.P. Franciya: strana, lyudi, tradicii. M.: Mysl', 1988. 287 s.]
- Смирнов В.П., Посконин В.С. Традиции Великой французской революции в идейно-политической жизни Франции. 1789–1989. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1991. 219 с. [Smirnov V.P., Poskonin V.S. Tradicii Velikoj francuzskoj revolyucii v idejno-politicheskoj zhizni Francii. 1789–1989. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1991. 219 s.]
- Смирнов В.П. Франция в XX веке. М.: Дрофа, 2001. 370 с. [Smirnov V.P. Franciya v XX veke. M.: Drofa, 2001. 370 s.]
- Смирнов В.П. Образы Франции. История, люди, традиции. М.: Ломоносовъ, 2017. 248 с. [Smirnov V.P. Obrazy Francii. Istoriya, lyudi, tradicii. M.: Lomonosov", 2017. 248 s.]
- Смирнов В.П. Краткая история Второй мировой войны. М.: Весь мир, 2005. 352 с. [Smirnov V.P. Kratkaya istoriya Vtoroj mirovoj vojny. M.: Ves' mir, 2005. 352 s.]
- Смирнов В.П. Две войны – одна победа. М.: Аст-Пресс. 2015. 416 с. [Smirnov V.P. Dve vojny – odna pobeda. M.: Ast-Press. 2015. 416 s.]

Арзаканян Марина Цолаковна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН: arzakanian@mail.ru

History makers

The article discusses the interpretation of the main problems and questions of historical discipline by V.P. Smirnov. The author of the article dwells on the structure of work and its points. Particular attention is paid to the role of personality in history.

Keywords: *history, historians, historical memory, “academic case”, personality cult*

Marina Arzakanyan, Dr. Sc. (History), Professor, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; arzakanian@mail.ru